

Петр Нилус

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

Из книги С. Юшкевича "Семь дней и др. рассказы".
Париж, 1933 год.

Маленькому Сене было два с половиной года, но у него уже проявились все инстинкты, открылись полные внимания уши, глаза, определялся своеобразный характер. Все способствовало его раннему развитию: большой портовый город Одесса, в котором он родился, место, где прожил до юношеского возраста, люди, которые его окружали.

Семья жила недалеко от порта, у обрыва, под которым расположена старейшая часть города; сперва на Военном спуске в д. Ковалевского (где родился Семен Соломонович Юшкевич в 1869 году), а впоследствии на Приморской улице, в доме барона Стюарта, неподалеку от дома Ковалевского.

Одесса была тогда одним из богатейших портовых городов Европы, торговала со всем миром. Жизнь порта пестрой волной проходила мимо самих окон домов Ковалевского и Стюарта. Бесконечные вереницы разных видов телег, платформ, груженных колониальными товарами, тянулись бесконечным, медленным, широким потоком. Апельсины, лимоны в раздувшихся пахучих ящиках, бочки вина, коринка, ваниль, перец, грецкие орехи — все это благоухало и волновало воображение, а навстречу им продвигались тяжелые возы и "биндюги" с мешками пшеницы, ржи, ячменя, муки. Днем и ночью в порту кипела работа — разгружались суда. Турки, греки, кавказцы, местные "босьяки", полуголые грузчики, торговцы у лотков, скрежетание лебедек — все это наполняло приморскую часть Одессы днем и ночью шумом и гамом большого порта.

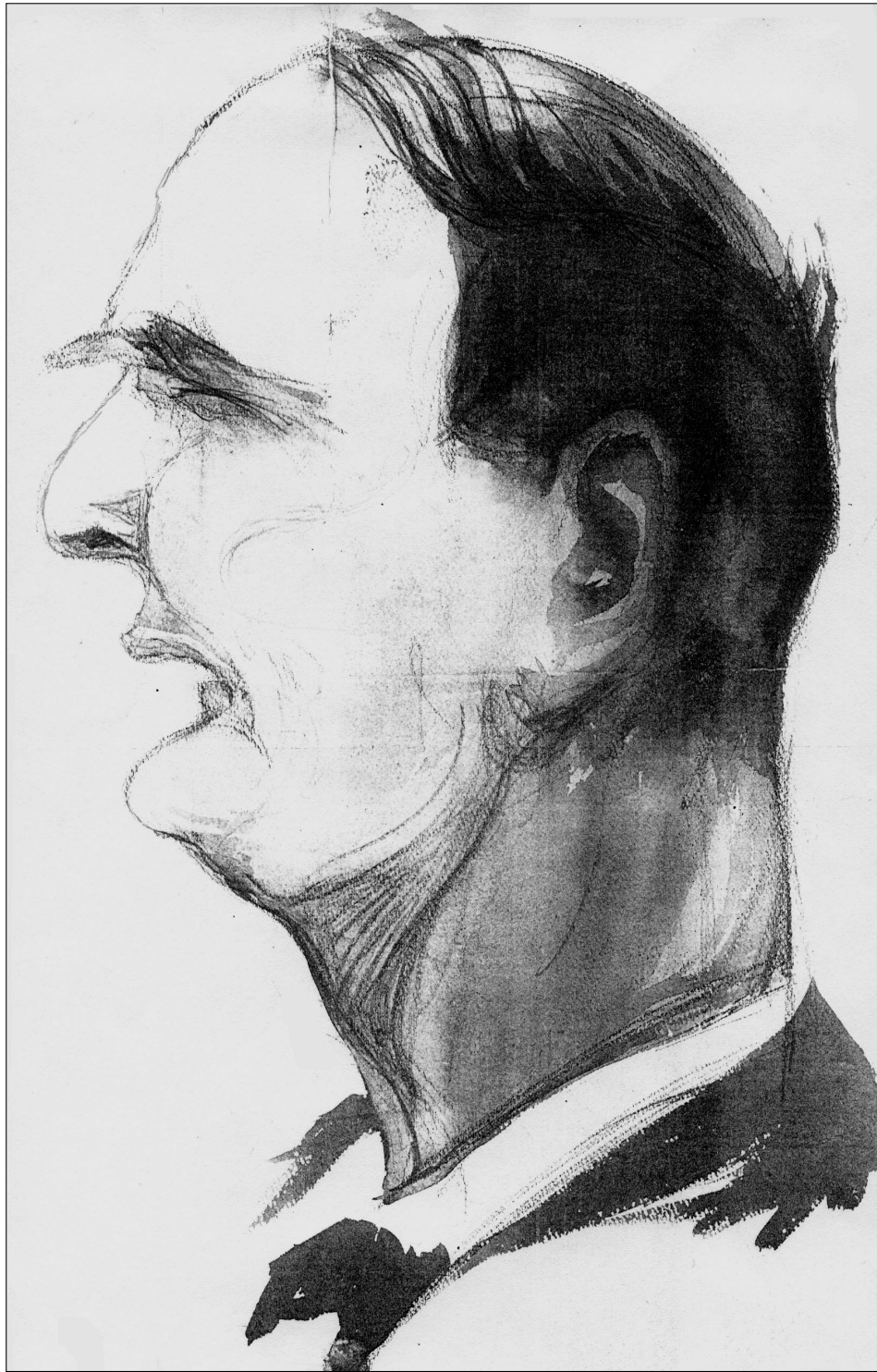
Вдоль прилегающих к порту улиц было множество лавок, торговавших самым разнообразным товаром. Среди них была торговля Соломона Мойсеевича и Анны Григорьевны Юшкевичей, там же они и жили с многочисленной семьей, менявшейся в своем составе. Всех детей было четырнадцать, но болезни уносили слабейших, так что основная семья состояла из отца, матери, бабушки (по матери), трех братьев и сестры, но был момент, когда в семье росли восемь детей.

За домом, в котором помещалась лавка, шел огромный двор с квартирами, конюшнями; тут же, во дворе, была и знаменитая голубятня Соломона Мойсеевича. За двором подымался обрыв, шедший вверх площадками, заросшими кустарниками глота, сирени, акациями, укусуными деревьями, тамарисом. С террас обрыва открывался вид на море, на залив — с гаванями, волнорезами, маяком, пакгаузами, домами, заводами, за которыми пестрой стеной возвышались паруса, мачты, трубы, откуда доносились уханье катеров, гудки пароходов, свистки локомотивов. И все это, залитое южным солнцем, живое и волнуемое — все это были первые впечатления маленького Сени.

Про капризы, шалости, выдумки Сени в семье сохранилось много анекдотов.

В 1871 году, в дни Пасхи, когда в Одессе разразился первый погром, Соломон Мойсеевич устроил семью в гостинице. Сене тогда было два с половиной года. Оставшись среди перепуганных женщин, он капризничал невероятно, надоедал всем, упрямо требую, чтобы ему сделали шляпу из мацы... Нередко на улице, если ему отказывали в чем-либо, особенно — купить сластей, садился на землю и не вставал до тех пор, пока не исполняли его желания. Однажды, за что-то наказанный, в холодный зимний вечер он исчез; его принялись искать всем домом с фонарями — нигде не было! Наконец, его нашли на дереве и принуждены были силой стащить оттуда.

Когда Сене было три года, его определили в еврейское училище, в котором, впрочем, преподавали на русском языке. В школе ученики проводили весь день. Служители, провожавшие детей в школу и обратно домой, обыкновенно отымали у них большую часть еды, которую они брали с собой, а учителя жестоко поколачивали своих питомцев. Школа не понравилась Сене... И вот он уверил всех, что у него болит нога, захромал... Его оставили в покое, и только через два года он снова поступил в эту школу.

Семен Юшкевич.

Шарж М. Линского.

Воспитанием детей никто не занимался. Присматривала за детьми бабушка, которая, в то же время, была занята и по хозяйству, и в деле.

Мать, высокая, статная, красивая женщина, обладала замечательным практическим умом, отличалась живостью, общительностью. Дела, хозяйство, многочисленная семья были для нее тяжелой жизненной ношей, и нет ничего удивительного, что она была всегда взволнована, раздражена, вечно на что-нибудь жаловалась, всем была недовольна. "Матери, хлопотливой и всегда огорченной женщины, мы не боялись", — замечает Семен Соломонович Юшкевич в "Очерках детства"¹. И дальше: "...всегда она что-то требовала, пророчила, жалуясь на свое бессилие справиться с нами. Или причитала о том, что годы летят и мы вырастем легкомысленными людьми, никуда не годными, ни на что не способными, будем нищими, так как время уже не такое, как прежде". И при всем том она обладала, как большинство женщин ее склада характера, несокрушимой энергией.

Отец внешнеюстью, душевным обликом, жизнью представлял собой исключительную фигуру, особенно среди еврейства. Великан, человек легендарной силы, на голову выше сыновей, отличавшихся большим ростом, часто мрачный, вспыльчивый, он был в то же время необычайно добр. В молодости знаменитый кулачный боец, гроза парней Слободки и Пересыпи, он не любил торговли, не был жаден до денег; с принятием в дело компаньона (брата жены) он освободился от неперемного личного участия в торговле — и занял своей жизнью. Он был страстный голубиный охотник. За пару редких голубей плачивал по двадцать пять, пятьдесят рублей, что для того времени было неслыханным. Он водил компанию с охотниками и разными "странными" людьми, которых мать на порог к себе не пускала, предпочитая знакомства с теми, "кто богател, делал дела". В свою очередь, отец ненавидел знакомых жены, эти

знакомства приводили его в ярость, вызывали в доме вечные ссоры.

Соломон Мойсеевич был человек мало религиозный и только в большие праздники брал места в синагоге.

"Отец по характеру был большевиком, ненавидел все буржуазное", — рассказывает Михаил Соломонович Юшкевич.

Мать любила детей до безумия, но их было много, трудно было управиться с ними; она постоянно надоедала отцу жалобами на детей; эти жалобы иной раз оканчивались тем, что отец порол детей самым настоящим образом...

Дети боялись отца, но и любили его; всегда озабоченный, сумрачный, в веселые минуты он светлел — и тогда благоволение и радость разливались в семье. Отец отлично играл на гитаре и подпевал, у матери в молодости был голос.

Отец не любил рассказывать о себе, но кое-что о подвигах его молодости доходило до семьи и окружало отца ореолом славы, таинственности. Вот один из самых знаменитых подвигов Соломона Мойсеевича. Однажды, в воскресенье, он отправился с племянником на голубиный рынок. Повздорив из-за чего-то с продавцом, он ударил его; ответить продавец побоялся, тогда за него заступилась вся Охотницкая... Племянник в ужасе помчался за будочником. Возвращаясь, он был уверен, что дядя избит, но, к его удивлению, Соломон Мойсеевич справился с толпой и похаживал победителем с налившимися кровью глазами и раздувшимися ноздрями.

Детство маленького Сени наполовину протекало на людях. Дома было жить скучно. Вечные деловые разговоры... Отец был очень непрактичен и, в то же время, уверен, происходили частые ссоры. Родителей озабочивало будущее детей — мать хотела видеть их непременно коммерсантами или купцами, отец не соглашался, он чувствовал важность образования, и опять — споры, пререкания...

(Продолжение на 12-й стр.)

Петр Нилус.

Рис. Л. Пастернака.

¹ По свидетельству Мих. Солом. Юшкевича, в этих очерках очень много вымысла.

